

ДИАЛОГ С АНГЕЛОМ

Аркадий Елфимов. Дмитрий Мизгулин. Утренний ангел. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2009.

Эта книга удивительным образом заключает в себе множество пространств и голосов. Диалог между ними начинается прямо с обложки. Сразу бросается в глаза розовый, вроде бы небрежный, даже случайный мазок кисти художника. Он зацепился за синий прямоугольник с именами авторов (фотохудожника и поэта) и идёт поперёк строгого, серо-стального фона. Авторы словно бросают вызов читателям: “Смотрите! Такая непростая, состоящая из диссонансов, контрастов, противоречий современная жизнь!” Читатель должен понять и увидеть, что прошло время одномерных, плоских решений, традиционных видовых фотоальбомов с аккуратной подборкой хрестоматийных стихов “о природе”. “Получите наш XXI век, наше III тысячелетие!”

Этот диалог вовсе не стремится перейти в площадной, футуристический крик, безоглядно порывающий с прошлым. Потому что среди голосов, собранных в книге, явно слышен голос вечной красоты, чаемого и гармоничного миропорядка, следы которого можно встретить на каждом шагу. Художнику нужно лишь внимательней всматриваться в окружающее. Разговор получается приглушённый, но от этого не менее драматичный.

Откроем книгу почти наугад. Вот трубящий ангел с распахнутыми крылами застыл на шпале башенки тобольского кремля. И тут же, чуть поодаль, с другой башенки ему откликается второй небожитель с опущенными крыльями. А вокруг “небес бесконечных свеченье” (Дм. Мизгулин), покрывших сибирскую землю чистыми снегами (фотография Арк. Елфимова). Как тут не вспомнить! Ведь так громко, на долгие века сказал С. У. Ремезов: “Подобен сибирский град Тоболеск ангелу!” И как подтверждение — в правом нижнем углу книжного разворота улыбается радостная, сияющая “иконка”: юная, весенняя мама на качелях с младенцем на руках. Вот оно, счастье жизни, когда небесное и земное слиты в нераздельном единстве.

Но тревога, мысль о бренности бытия не уходит. Голос поэта Дмитрия Мизгулина на той же странице напоминает: “Вострубят ангелы — пора...” И завершается стихотворение лапидарным итогом:

*Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.*

Диалог продолжается: следующий, чёрно-белый, а точнее, серо-чёрный разворот книги (фотография П. Кривцова) откровенно апокалиптичен. Это статуя поверженного ангела с расколотым крылом, распластавшаяся на земле, на тюках чего-то повседневно-промышленного, рядом с протектором грузовика

и т. п. Как будто всё сказано прямо и без обиняков: жизнь идёт своим жестоко-бессмысленным чередом (“Век шествует путём своим железным...”, как написал когда-то Евгений Боратынский), и ей уже не нужны ангелы и прочие небесные “излишества”. Это подчёркивается и пересекающим пространство разворота, словно процарапанным по фотографии белым электрическим проводом – своего рода приземлённым (заземлённым!) напоминанием о былых небесных грозах с их громами и молниями. Но и тут, в изображении катастрофы обыденного надругательства, красавец-кот, настороженно поместившийся на фотографии по соседству с ангелом, вселяет если не веру, то какую-то надежду: красота и сокровенная теплота жизни всё равно должны избежать зла. Стихи Дмитрия Мизгулина откликаются на эту тему, обличая современную жизнь:

*В царстве срама и хама
Ни любви, ни стыда,
Жили раньше без храма
И теперь — не беда.*

Но поэт всё равно убежден в том, что у беса “слишком коротки руки – не достать до небес”:

*В горних высях струится
Ослепительный свет,
Через эту границу
Никому хода нет.*

Это стихотворение как бы всплывает на рябоватую поверхность водной глади вместе с царственно-нарядными кувшинками. И фотография Арк. Елфимова служит ему не иллюстрацией, а подтверждением, но на другом художественном языке: мир прекрасен в каждом своём живом проявлении, потому что он Божий. Порукой тому православный крест на заснеженной равнине в “иконке” в правом нижнем углу книжного разворота, строгая графичность которого “утепляется” человеческими следами на белой глади и такой “домашней” скамеечкой у подножия креста.

Книга “Утренний ангел” распахнута навстречу миру, сложному и многообразному. Тут и ледяные торосы причудливо громоздят толпы белых фигур, вытянувшихся навстречу весеннему солнцу. И раздолье речных половодий, и виды сибирских городов с высоты птичьего полёта, и захватывающие дух полевые просторы с оранжево-жёлтыми вспышками осенних лесов и урочищ, и хрустальная чистота зимнего неба, словно замершего в восхищении перед красотой, открывшейся ему на земле. Постепенно диалог разрастается, захватывает новые пространства и дали, прошлое и настоящее. Появляются могучие, явно доисторические раскидистые деревья, стройные храмы и приземистые крепости, цветущие сады и луга, заиндевшие от сурового мороза старинные ворота и калитки, столбы дыма над крышами домов и утренние туманы над рекой. Книга превращается в фантазмагорию цвета и красок, времён года, разнообразных оттенков и полутонов, грандиозных панорам и мельчайших деталей (фотографии Арк. Елфимова).

Тут и Пушкин-лицеист скульптора Г. Додоновой, который изящно и привольно раскинулся на лужайке под кронами уже отцветшего яблоневого сада в Михайловском. И деревянное многоглавие Покровской и Преображенской церквей в Кижях, запечатлённых на дальнем плане, а впереди – потемневший от времени величественный дом-корабль Ошевнева с опоясывающими его резными галереями и балконами, оконными наличниками и причелинами (фотографии П. Кривцова). Всё это называлось и называется по-разному, но обозначает одно: Русь, Российская Империя, Советский Союз, Россия, Отечество, Родина.

Совсем неслучайно автор предисловия к книге Валентин Курбатов завершает статью словами о “труде, мужестве и русской ясности пути под родным небом”. В свою очередь Сергей Небольсин в послесловии вспоминает о тайне прекрасного, увиденного “по наитию ангела, а не просто житейским взглядом”. Ведь “каждый несёт в себе тайну, высказывание же о её неразгаданности – только намёк словом или светотенью”.

Вновь и вновь на страницах книги Аркадия Елфимова и Дмитрия Мизгулина появляется тобольский ангел, то вздымающий трубу к небесам, то опускающий её долу. Ему с таким же упорством и настойчивостью отвечает поэт:

*Догорают времена и даты
На закате сумрачного дня.
Радостно молюсь и виновато.
Господи! Не оставляй меня!*

*Пусть в ночи моя истает свечка,
Но очнусь счастливый поутру,
Чуя, как дрожит моё сердечко,
Как душа трепещет на ветру.*

Владимир Гуминский